

Девятнадцатый спал, устроившись на коленях Дуаньму Цина, поэтому вошедший человек говорил ему на ухо, а не напрямую. Дуаньму Цин поднял Девятнадцатого, уложил его в постель и укрыл одеялом. Раньше Девятнадцатый просыпался при малейшем прикосновении, но теперь, как бы его ни перемещали, он не реагировал. Вероятно, подсознательно он полностью доверял Дуаньму Цину.

Дуаньму Цин вышел из комнаты и направился в подземелье, чтобы навестить Шэнь Наня. Большинство из тех, кого захватили вместе с ним, уже погибли, почти все были замучены до смерти. Те, кто пытался покончить с собой, были спасены и подвергнуты новым пыткам, пока не погибали через несколько дней.

Шэнь Нань теперь испытывал к Дуаньму Цину только страх. Этот мужчина был слишком страшен, словно демон, вышедший из ада. Нет, он был страшнее демона.

— Я расскажу всё, что знаю, отпусти меня, умоляю, умоляю, я больше никогда не посмею...

Шэнь Нань умолял уже несколько дней назад, но Дуаньму Цин никогда не слушал и даже затыкал ему рот.

Шэнь Нань думал, что Дуаньму Цин мучает его, но не убивает, потому что хочет узнать его секреты, поэтому он и умолял.

Дуаньму Цин усмехнулся:

— Меня не интересует то, что ты знаешь. Всё, что мне нужно, я узнаю сам, без твоей помощи. Но раз уж ты так хочешь говорить, почему бы мне не лишить тебя этого удовольствия?

Он махнул рукой, и двое охранников вошли, чтобы вытащить Шэнь Наня. Тот в ужасе закричал:

— Что ты делаешь? Отпусти меня!

Но он уже был лишён силы и не мог сопротивляться.

Меньше чем за время, необходимое для сгорания одной палочки благовоний, Шэнь Нань замолчал. Не потому что умер, а потому что Дуаньму Цин приказал вырвать ему язык.

Шэнь Наня бросили обратно в камеру, его рот был пуст. Кстати, Дуаньму Цин ранее приказал выбить ему все зубы, не оставив ни одного.

Но и этого было мало. Дуаньму Цин разыгрался, и Шэнь Наня снова вытащили, на этот раз в Зал Наказаний.

Комната для наказаний использовалась для тех, кто провинился внутри Башни, а Зал Наказаний — для допросов внешних врагов.

Дуаньму Цин не приказал делать ничего особенного, просто сломать Шэнь Наню все кости одну за другой.

Стоять было утомительно, поэтому он принёс стул и сел. Сколько раз Шэнь Нань терял сознание, столько раз его обливали перечным раствором.

Дуаньму Цин мог бы одним ударом разрушить все сухожилия и кости Шэнь Наня, но это было бы слишком скучно. Наслаждаться страданиями врага — вот его стиль.

Шэнь Нань, лишённый языка, не мог издавать звуков, но яростно смотрел на Дуаньму Цина глазами. Тот не обращал на это внимания, даже улыбался.

Улыбка Дуаньму Цина иногда была очаровательной, а иногда — смертельно опасной, как сейчас.

— Я не хочу видеть его глаза. Вырвите их.

— Слушаюсь.

Вскоре Шэнь Нань лишился и глаз. Теперь он не мог ни говорить, ни видеть, оставался только слух. Это было хуже смерти.

Дуаньму Цин взглянул на небо. Уже вечерело, и Девятнадцатый, вероятно, скоро проснётся. Нужно было поспешить обратно, чтобы тот не начал искать его.

Едва Дуаньму Цин вошёл в комнату, как Девятнадцатый проснулся:

— Господин, куда ты ходил?

— В кухню, чтобы приказать приготовить тебе что-нибудь вкусное на ужин.

Это не было ложью, он действительно отдал такое распоряжение по пути.

Дуаньму Цин улыбнулся, выглядев совершенно искренним, но чем больше он улыбался, тем сильнее болело его тело.

Он ругал себя мысленно: «Чёрт, почему именно сейчас?» Его лицо побледнело, но он держался, чтобы не упасть.

Девятнадцатый заметил, что с Дуаньму Цином что-то не так, и с беспокойством спросил:

— Что случилось?

Он даже сел на колени Дуаньму Цина и поцеловал его.

Обычно Дуаньму Цин ответил бы на поцелуй, но сейчас он боялся, что его дыхание выдаст запах крови, и все усилия скрыть правду будут напрасны.

Девятнадцатый, видя это, ещё больше заподозрил неладное. Может, Дуаньму Цин получил ранение и не сказал ему? Его руки ещё не полностью восстановились, но он мог раздеть Дуаньму Цина.

Дуаньму Цин остановил его:

— Всё в порядке. Я просто немного простудился, когда выходил, и теперь у меня болит голова. Не волнуйся.

— Правда?

Девятнадцатый не верил.

— Правда. Я не только чувствую головную боль, но и очень хочу спать. Давай ещё немного поспим.

С этими словами он потянул Девятнадцатого к кровати.

— Но я только что проснулся. Не слишком ли много спать?

— Ничего страшного. Сон полезен.

Не дав ему возразить, Дуаньму Цин уложил его в постель.

Он уже был на грани, сдерживая кашель с кровью. Чтобы Девятнадцатый ничего не заподозрил, он обнял его, решив подождать, пока тот заснёт, а затем найти Пятнадцатого.

Дуаньму Цин был человеком с железной волей. Обычный человек уже катался бы по полу от боли, но он продолжал притворяться, будто всё в порядке.

Едва они легли, как за дверью раздался голос:

— Лоу Чжу, пришёл господин Шэнь.

Единственным, кого в Башне Цинчэн называли «господин Шэнь», был Шэнь Бэй. Видимо, он закончил свои дела и решил заглянуть сюда, возможно, узнав, что Девятнадцатый ранен, и хотел навестить его.

Дуаньму Цин никогда не чувствовал такой радости при виде Шэнь Бэя. Его появление стало прекрасным предлогом для быстрого ухода. Ссылаясь на плохое самочувствие Девятнадцатого, он оставил его в комнате, а сам вышел.

Теперь ему больше не нужно было сдерживаться. Он уже выплюнул несколько порций крови.

Шэнь Бэй уверенно подошёл к Дуаньму Цину и, увидев, что тот истекает кровью, был крайне удивлён:

— Дуань, что с тобой? Как ты дошёл до такого состояния за эти дни?

Дуаньму Цин вытер кровь с губ, приказал убрать пятна на полу и повёл Шэнь Бэя в гостиную. Когда тому подали чай, он спросил:

— Зачем ты пришёл?

Шэнь Бэй отхлебнул чая — билочунь, хороший сорт.

Когда он выпил чай, выражение лица Дуаньму Цина изменилось, но он ничего не сказал, ожидая ответа.

— Ничего особенного. Просто услышал, что Девятнадцатый болен, и решил навестить его.

Шэнь Бэй улыбнулся, поставив чашку.

— Кстати, где он? Неужели так плохо, что не может встать с постели?

Дуаньму Цин усмехнулся, в его глазах мелькнула опасность:

— Я спрашиваю в последний раз: зачем ты пришёл?

Шэнь Бэй снова отхлебнул чая, стараясь выглядеть непринуждённо:

— Я же сказал, что навестить Девятнадцатого. Зачем так пугать? Ревновать не надо!

Дуаньму Цин незаметно сжал чашку в руке, превратив её в порошок, который просочился сквозь пальцы. Он жестоко улыбнулся:

— Если не хочешь говорить, ничего страшного. В мире боевых искусств все знают о моих методах. Можешь попробовать.

Шэнь Бэй продолжал притворяться:

— О чём ты? Мы же друзья. Я принёс лекарства для Девятнадцатого.

Видя, что он упорствует, Дуаньму Цин налил себе ещё чаю и сказал:

— А Бэй не любит билочунь. Так что лучше объясни, что ты с ним сделал?

Лицо собеседника оставалось спокойным, возможно, из-за маски, а возможно, он действительно был хладнокровен.

— Лоу Чжу, зачем спрашивать, кто я? Моя цель — просто увидеть Девятнадцатого. Зачем так давить?

Дуаньму Цин не стал слушать его болтовню, подошёл ближе, чтобы сорвать маску, но тот остановил его руку. Они обменялись несколькими ударами в гостиной, и Дуаньму Цин снова выплюнул кровь.

— Лоу Чжу, тебе бы поосторожнее. В таком состоянии ты хочешь драться?

Он успел почувствовать пульс Дуаньму Цина во время схватки и понял, что тот заражён Гу Десяти Тысяч Насекомых.

— Ха. Ты думаешь, что в таком состоянии я не смогу тебя одолеть? Ты недооцениваешь меня.

С этими словами Дуаньму Цин мгновенно сорвал маску, прежде чем тот успел среагировать.

Теперь он понял, что те несколько ударов были лишь проверкой. Даже в ослабленном состоянии Дуаньму Цин был слишком силён.

Под маской оказалось лицо Лин Чэня. Что за ирония судьбы! Он осмелился проникнуть в Башню Цинчэн, словно их репутация была пустым звуком!

Авторские примечания:

Дуаньму Цин: Те, кто называл меня жестоким, отправились в одно и то же место прогуляться.

Девятнадцатый: Ты слишком жесток!

Дуаньму Цин: Ты не такой, как они. Они отправляются в ад, а ты — в мою постель!